

– подборка семнадцатая –

ВОСПОМИНАНИЯ
праведной ребецн
Ханы,

да упокоится она с миром,
супруги праведного раввина, гаона и хасида, каббалиста,
нашего учителя

рабби Леви-Ицхока,

да будет память святого праведника благословенна,
да упокоится он с миром,
и да будет нам защитой его заслуга

матери святого ребе,
нашего господина и учителя

рабби Менахема-Мендла,

да будет память святого праведника благословенна, да упокоится он с миром,
и да будет нам защитой его заслуга,

Шнеерсона

из Любавича

MEMOIRS
OF
REBBETZIN CHANA SCHNEERSON
INSTALLMENT 3

Published and Copyrighted © 2011

by

KEHOT PUBLICATION SOCIETY

770 Eastern Parkway / Brooklyn, New York 11213

(718) 774-4000 / Fax (718) 774-2718

editor@kehot.com

Orders:

291 Kingston Avenue / Brooklyn, New York 11213

(718) 778-0226 / Fax (718) 778-4148

www.kehot.com

All rights reserved.

The Kehot logo is a trademark of Merkos L'Inyonei Chinuch.

Manufactured in the United States of America

Отпечатано в России

Перевод подготовлен в издательстве «Лехаим», Москва

Предлагаем вашему вниманию 17-й выпуск «Воспоминаний», записанных праведной ребецн Ханой, матерью Ребе¹. Да будет воля Всевышнего, чтобы это добавление в «распространении источников наружу» привело к подлинному и полному Избавлению с приходом нашего праведного Мошиаха, буквально в ближайшее время.

Издательство «Ойцар га-хасидим»

7 швата 5772 года

Бруклин, Нью-Йорк

¹ Перевод с идиша Цви-Гирша Блиндера. Дополнительная информация о настоящем издании — в предисловии к 1-му выпуску.

Воспоминания ребецн Ханы Шнеерсон

С Б-жьей помощью, среда, пост Гедаљи, 5708 года (17.09.47 г.)¹⁷⁰

Не писатель я и не дочь писателя, и мое желание — просто записать немного из воспоминаний о моем муже, да будет память о нем благословенна, — о нескольких последних годах его жизни.

У меня были сомнения, смогу ли я справиться с этой задачей, — по двум причинам. Во-первых, получится ли вообще передать на бумаге то, что хранится в памяти. Во-вторых, найдется ли у меня столько спокойствия, сколько требует такая работа.

[14 кислева 5709 года]

* * *

«Добрый дар нам дан... И имя ему — Шабос...»

Как я уже писала, мы хотели куда-нибудь перебраться из Чиили, но договориться с кем-либо на этот счет было невозможно. До нас дошли сведения — как говорится, по неофициальным каналам — что принято решение: запретить ссыльным покидать место их ссылки до окончания войны. И даже после того им будет разрешено селиться только в тех городах, население которых не слишком велико... От таких вестей источник нашего терпения постепенно начал иссякать.

Как стало ясно из дальнейшего, именно тогда мой муж подхватил болезнь, которая впоследствии оказалась для него смертельной. Но уже и сейчас было видно, что прежней силы в нем нет. И это именно тогда, когда она была ему так нужна!..

В то время правом отправлять продуктовые посылки пользовались только участники войны, непосредственно находившиеся в действующей армии либо работавшие на военных заводах. Понятно, что среди наших близких не было никого, кто относился бы к этим категориям, так что посылок мы не получали. В будние дни удавалось как-то выкручиваться, комбинируя разные «блюда» из тех немногих продуктов, что у нас были, но в Шабос... Часто бывало так, что в пятницу у нас не было свечей для зажигания перед наступлением Субботы. Еще чаще приходилось по пятницам

¹⁷⁰ Дата написания записок, указанная самой ребецн.

допоздна — практически до захода солнца — выстаивать в многочасовых очередях, чтобы купить наш *лехем они*¹⁷¹, хлеб бедности, из которого нужно было как-то сделать *мишне лехем*¹⁷²... Такие дни оказывали какое-то особое воздействие на моего мужа. Когда я отправлялась за хлебом, он обычно говорил: «Добрый дар нам дан Всевышним... И имя ему — Шабос¹⁷³. Мы должны приготовить себя к встрече святой Субботы!»

Пшеничная мука, сахар, мыло...

Вспоминается, как однажды в четверг мы получили уведомление о посылке от солдата-фронтовика, который, как выяснилось впоследствии, был одним из наших добрых друзей¹⁷⁴. На следующий день, в пятницу, на почте мне вручили ящик с продуктами, отправленный на мое имя (естественно, такому «грешнику», каким в глазах властей был мой муж, не полагались не только посылки с фронта, но даже письма).

Когда я несла продукты домой, все знакомые, встречавшиеся мне по дороге, останавливались и начинали расспрашивать, откуда у меня все это. И такая зависть звучала в их вопросах! Притом не потому, что они были плохие люди, — просто так действовала сама мысль о том, что может лежать в этих пакетах... Один из тех, кого я повстречала, сказал мне, что их надо спрятать, чтобы никому не попадались на глаза, так как один их вид вызывает обострение чувства голода...

Когда мы открыли посылку, внутри, среди прочего, обнаружилась пшеничная мука высшего сорта. Людям, не бывшим в тех условиях, не понять, какие чувства она пробудила в нас: мы успели позабыть и цвет, и вкус хлеба и выпечки, приготовлявшихся из такой муки!.. А кроме нее в посылке были сахар-рафинад, два куска мыла, рубашка и мужские носки — практически ничего другого посылать не разрешалось. Особо нас порадовало мыло — мытье с ним превратилось в подлинное удовольствие.

Все это нам отправил парень из нашего города, служивший... в одном из подразделений НКВД! Паяк у них там был неплохой, часть продуктов оставалась несъеденной, и ему разрешили время от времени отправлять продукты жене и родителям. Я же получила

¹⁷¹ Дворим, 16:3.

¹⁷² Два цельных (по возможности) хлеба, которые должны быть на столе во время каждой из субботних трапез.

¹⁷³ Эти слова – парафраз изречения из Талмуда (трактат Шабос, 119а).

¹⁷⁴ Далее в тексте ребецн упоминает его имя: Мендл Рабин (Рабинович).

посылку под видом матери его жены (своей матерью он представить меня не мог, так как наши фамилии не совпадали).

Незадолго до того как бригаду, в которой служил этот молодой человек, должны были отправить на передовую, он опасно заболел — настолько, что проводившие обследование врачи направили его к московским светилам медицины, которые решили, что он непригоден к дальнейшей службе. Призвали его в армию в 1941-м, а сейчас шел уже 1944 год. Вскоре после того как он ушел на фронт, родился его первенец, которого отец ни разу не видел. Ребенок тоже никогда не видел отца, да и остальным членам семьи за эти три года не довелось обменяться с ним хотя бы взглядом. И, тем не менее, прежде чем ехать к семье (они тоже были в эвакуации), он из Москвы отправился в Чили — узнать, как наши дела! Выяснив, что они обстоят не лучшим образом, он принялся за дело: нужно было получить от врачей заключение, что муж мой по состоянию здоровья не может находиться в месте его нынешнего проживания.

Документы за литр спирта

М. Р.¹⁷⁵, как я уже упоминала, работал в «органах», поэтому хорошо знал, сколько сил надо приложить к тому, чтобы завершить установленный пятилетний срок ссылки раньше времени («естественным путем» этого добиться было практически невозможно). Все те несколько дней, что он провел у нас, я ходила с ним повсюду в поисках знакомых, которые могли бы помочь с оформлением нужных документов. Если бы мы такого человека нашли, М. Р. занялся бы с ним решением нашего вопроса.

Мы затратили массу усилий, но так и не нашли никого, кто согласился бы помочь. Казалось, больше вариантов не осталось, но именно в тот момент я случайно встретила на улице одного днепропетровского знакомого, который пару раз бывал у нас дома. Мы знали, что его дочь — врач в больнице и у нее хорошие отношения с главврачом, который мог бы подписать наши бумаги. Главврач был кореец, тоже ссыльный. Это был хороший, грамотный врач, но, увы, оказавшись в здешней глуши, он начал спиваться, так что М. Р. сумел найти с ним общий язык буквально в течение дня — при помощи литра 90-градусного спирта, сохранившегося у М. Р. «на память» о военной службе. Он вручил бутылку главврачу, понимая, что для него это будет лучшей платой, поскольку в то время приобретение спиртных напитков было непростым делом... И уже на следующий день днепропетровский знакомый принес нам все

¹⁷⁵ Здесь и далее ребечн обозначает М. Рабиновича инициалами.

необходимые документы, составленные по всем правилам и скрепленные соответствующими подписями и печатями!

Когда М. Р. приехал к нам, он был еще в своей военной форме со знаками отличия, указывающими на его принадлежность к НКВД. Естественно, мы стали говорить, что это наш сын, и все тут же нашли, что он очень на меня похож. Вообще, наш статус сильно возрос благодаря этому «сыну». Таких мы удостоились «заслуг детей»¹⁷⁶.

Сделав все для нас, Мендл Рабин задумался о том, куда ему ехать, в каком городе у него может оказаться больше возможностей подготовить все необходимое для переезда. Надо сказать, молодой человек проявил такую привязанность и уважение к нам, при полном отсутствии эгоизма, что было понятно: причина этого — во влиянии моего мужа, который обладал особой силой притягивать к себе людей.

М. Р., казалось, был человеком, оторванным от традиционной еврейской среды, которому советская власть дала определенный социальный статус (он был начальником цеха на одной из фабрик). Но ребенком он все-таки ходил в *хедер*, точно такой же, как в крошечном еврейском местечке. Став взрослым, он часто бывал у нас дома, внимательно слушая все, что говорилось на уроках Торы. Со временем он достиг такого высокого уровня, что разбирался в сложных понятиях хасидизма, которые обсуждались на уроках по Субботам и в праздники (в эти дни М. Р., закончив работу и сняв с себя «будничные одежды», присоединялся к евреям, собиравшимся у нас дома). При этом ему приходилось соблюдать строжайшую конспирацию из-за занимаемой им должности. Но он обычно говорил, что на все готов, дабы просидеть пару часов за одним столом со Шнеерсоном и послушать его.

И вот такого человека¹⁷⁷, с его огромной силой влияния на людей, которую он использовал, чтобы приближать их к Торе, заперли в «четыре локтя»¹⁷⁸, максимально отдалив от евреев в целом, а также от родных и привычного окружения в частности. Это с каждым днем все больше подрывало его здоровье...

В конечном счете М. Рабин, обдумав все варианты, прежде чем отправиться к семье, поехал в Ташкент. Там, к сожалению, он не смог ничего решить по нашему вопросу. Оттуда он направился в Киргизию, куда были эвакуированы его жена и ребенок, и, забрав их, уехал в Алма-Ату, где жил его старший брат Ѓирш. Устроившись

¹⁷⁶ Аллюзия на талмудическое понятие «заслуги отцов» (*зхус овойс*), подразумевающее, что Всевышний благоволит к потомкам за заслуги их родителей и прародителей.

¹⁷⁷ Ребецн говорит в данном случае о своем муже, р. Леви-Иццоке.

¹⁷⁸ В Ѓалахе четыре локтя (*арба амойс*) — место, занимаемое человеком. Здесь имеется в виду, что р. Леви-Иццока старались держать в полном одиночестве.

на новом месте, М. Рабин продолжил работу по спасению моего мужа. Когда мы расставались, он пообещал, горько рыдая: «Все, что только в силах сделать человек, я сделаю!..»

Может, нам еще доведется увидеть детей...

Проведя несколько дней в обществе нашего дорогого друга, мы вернулись к своей обыденной жизни. Правда, у нас появилась, пусть и слабая, надежда, что к нам, наконец, придет долгожданное спасение. Увы, состояние моего мужа, тем не менее, продолжало ухудшаться. Он старался крепиться, но из этого ничего не выходило. Настроение было нерадостное, на душе — беспокойно.

В воздухе носились самые разные слухи. Многие рассказывали, что слышали — из «достоверных источников» — об огромных трудностях, чинимых ссыльным, срок ссылки которых завершался. Власти прилагали все усилия, чтобы эти люди продолжали оставаться более-менее изолированными от прежнего окружения. В первую очередь, им запрещалось селиться в сколько-нибудь крупных городах, а также возвращаться в места, где они проживали до ссылки. Последнее нам было не очень важно: в нашем городе гитлеровцы уничтожили практически всех евреев, так что даже если бы нам разрешили туда вернуться, в этом не было особого смысла...

Когда хотелось улучшить настроение, мы начинали думать о хороших вещах, которые ожидают нас впереди. Мы представляли, что оказались в городе, среди людей, что у нас есть возможность поговорить по телефону с детьми и даже повидаться с ними (увы, в отличие от меня, мужу не суждено было дожить до того дня, когда эти мечты сбылись). Пока же нам приходилось жить так, как раньше.

Наступил месяц адар¹⁷⁹. С каждым днем снега становилось меньше, а грязи — больше, так что по улицам ходить было очень тяжело. В Чиили это худшее время года.

Чтобы раздобыть все необходимое для жизни, приходилось много ходить, преодолевая липкую грязь. Когда в нее ступали ноги, они словно бы проваливались в болото, так что на каждом шагу требовалась сила Шимшона-богатыря, чтобы продолжить движение.

¹⁷⁹ 5704/1944 года.